

Антон Антонович Дельви́г

**Прозаические планы
идиллий**

Содержание

#1	0004
СОДЕРЖАНИЕ	0005
КУПАЊЕ	0006
Автограф ИРЛИ	.0011
Автограф ИРЛИ	.0016
Автограф ИРЛИ	.0021

Антон Антонович Дельви́г

**Прозаические планы
идиллий**

А.А.Дельвиг. Сочинения
Л., "Художественная литература", 1986
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Купанье
Отставной солдат (Русская идиллия)
Начало ваяния

КУПАНЬЕ

"Вот и расплакался и не слушаешь старого друга: велика беда, Дафна не хочет говорить с тобой, при тебе не поет и не пляшет! Почти что плачет, когда Ликориса лукаво улыбнется, и обе краснеют, краснее вечерней зари перед ветрами. Взрослый ребенок, стыдись! Когда ты, еще маленький, один оставался при стаде, не я ли приходил утешать тебя. Не всех ли ты обыгрывал, играя в кости? Кому ты обязан был? мне. Я выучил тебя играть ими, как я же выучил тебя прекрасно играть на свирели. Из чьих корзинок ты ел плоды? Я искусно сплетал их из тонкой жимолости. Молоко из чего пил? Ни у кого не было лучше твоих чаш и кувшинов. Лучшие тыквы мои я сушил для тебя и долбил и на коже нарезывал гирлянды цветов или любопытные истории про богов и героев. Часто после бакхических оргий товарищи мои спешили в свои пещеры успокоиться на мягких, благовонных постелях или по рощам пугать и преследо-

вать пастушек. А я для тебя забывал и покой, и любовь. Я к тебе приходил с ученым козленком, пьяный, под песню твою я плясал с ним, и до тех пор он на задних ногах выступал, прыгал неловко, пока смех не позволял уже тебе продолжать песни. А какое горе тогда у тебя бывало? – Изломалась свирель иль тыкву испортил. Теперь ли тебя не утешу я? Теперь ли оставлю? Ей, слезы утри, сядь спокойно и выслушай старого друга".

Так говорил седой сатир печальному Микону. Микон любил Дафну и, казалось, не напрасно. Дафна до вчерашнего вечера любила слушать рассказы его, охотно плясала и пела с ним и даже однажды руку пожала ему и что-то такое шепнула, тихо, но сладко, когда он сказал ей: "люби меня". Но вот уж два вечера она с ним не по-прежнему. Он лишь к ней, а она от него, и ласковые речи, и понятные взгляды, и улыбка – радость уст очаровательных – все как в воду кануло. Что за причина? Послушаем, не расскажет ли чего об этом Микону сатир. А ночь прекрасная! На небе ни облака. Ежели Диана со всяким лучом посылает по поцелую счастливому Ендимиону – то ни

одна любовница во всю полную пору любви не целовала столько и так сладостно своего милого, сколько блестящая Делия в эту ночь. Земля тонула в очаровательном блеске, Илис катил серебро, благоухали брега, соловьи не умолкали. Микон совета послушался, медленно приподнял голову, сел, сложил руки, прислонился к каштановому дереву и с любопытством уставил глаза на седого сатира, который, налегшись на длинную ветвь и тихонько качаясь, так начал: "Рано вчера на заре просыпаюсь я! Что мне холодно? Что не одет я теплою кожей? Что подо мною не постланы душистые, свежие травы? Взглянул и зажмурился. Свет ослепительный утра, не смешанный с мраком ленивым пещеры. Ба! мои ноги привязаны к дереву. Кружка разбитая подле меня, драгоценная кружка! "А, старик, – я хотел закричать, – ты усерден по-прежнему, не по-прежнему силен на битвах вакхических. Не дошел до своей ты пещеры от дружной беседы, ты пал, побежденный Морфеем, шалунам ты достался в добычу". Но плесканье воды и веселые девичьи крики прервали мысли мои и в устах растворенных слова удержали.

Не смея дышать, я чуть-чуть приподнялся, предо мною кустарник густой, легко листья раздвигаю – в глазах засинелись, заискрились струи. Вперед подвигаюсь – что ж вижу: Ликориса и Дафна. Прекрасны, как грации, как нимфы нагие. С ними два лебедя. Их любимые лебеди, которых прошедшей весною ты спас. Их мать была жестоко. Ты мать отогнал, их поймал и подарил Ликорисе. Ты Дафну любил уж тогда и ей не смел подарить их. Первые чувства любви, я знаю, застенчивы, робки! Любишь, и милой боишься наскучить и лаской излишней! Белые шеи двух лебедей обняв, Ликориса вдруг поплыла от Дафны, нырнувшей в глубокие воды. Смех ее встретил: "Дафна, я новая Леда". – "А я Аматузия! взглянь, я так же теперь, как она, родилася из пены блестящей". – "Но видишь, я лучше той Леды, два страстные Зевсы мне служат. А ты чем похвалишься пред нашей Кипридой?" – "Ифест хромоногий не будет мне мужем". – "Правда и то, моя милая Дафна, и я скажу, правда! Микон твой прекрасен. Лучше его пастуха не сыскать! Светлые кудри в три ряда вокруг головы его вьются. Глаза его цвета

небесного, их взгляды до сердца доходят; как персик, он свеж и румян и пухом блестящим украшен; уста его алы, как розы, богаты словами и звуками сладкими. Поцелуй меня, Дафна, ты скоро не будешь охотно меня целовать, поцелуи Микона приятнее будут!" – "И полно смеяться, подруга лукавая! Зачем понапрасну вводить меня в краску. Ну что мне Микон? он хорош? Что нужды? я к нему равнодушна". – "Зачем же краснеешь?" – "Поневоле краснеешь! Ты все ко мне пристаешь! Ты все говоришь о Миконе. Все Микон да Микон! а он что мне?" – "Зачем же ко мне ты прижалась прекрасною грудью? Зачем она дышит теперь так неровно, так пламенно? Послушай: что если б Микон, гонясь за заблудшей овцой, очутился вот здесь, здесь на берегу?" – "Ах, я бы утопилась!" – "Правда, и я бы то же сделала! Но однако скажи, отчего мы это бы сделали? Что мы платьем дурного скрываем? Посмотри и признайся – не прекрасны ль мы обе без платья. Поплывем, не приятно ли персям касаться прохладных уступчивых струй
<...>

Автограф ИРЛИ

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ

(Русская идиллия)

Солдат. Так не звезда мне из лесу светила, а это вы, ребята, развели огонь и варите кашу на ужин. Ну, хлеб да соль.

Пастухи. Хлеба кушать, служивый.

Солдат. Благодарю. Я устал порядком. Ну, костыли мои, приотдохните, рядом я положу вас на траву и подле вас присяду. Верст пятнадцать я в этот вечер сделал.

Пастухи. А издалека ли идешь ты, служба?

Солдат. Да из Литвы, из виленского лазарета. Едва из матушки России мы выгнали врага и на чужую землю вышли, я ноги-то и лишился. Без памяти меня до Вильны довели, там с год лечили, и в чистую отставку отпустили. Теперь бреду кой-как на костылях за Курск на родину к жене и сестрам.

Пастух. На, обопрись мне на руку, чтоб лег-

че опуститься. Да не сюда, а на тулуп развернутый ложися.

Солдат. Спасибо, господь тебе заплатит. Ах, братцы, что за рай земной у вас под Курском! Я в этот вечер десятком лет помолодел, теплом и запахом целебным надышавшись. На воздухе родимом легко мне, любо, как рыбке в речке. Во многих землях бывал я. Нанюхался весны и лета. В иных краях земля благоухает, как офицер гвардейский на параде, как ручка генеральши в светлый праздник. Дорого и чудно, да не мило. А здесь всем телом дышишь, во все суставчики вбираешь простой, но сладкий, теплый запах, здесь нежишься, как в старинной барской бане. Здесь спать не хочется, играл бы до утра в девичьем хороводе.

Пастухи. И мы, земляк, охотно б поиграли, да лих нельзя. Село далеко, и на одних собак опасно положиться и стадо кинуть без присмотра. Что делать? вот и кашица поспела. Перекрестясь, поужинаем. А после, пока косну тебя не клонит, то Расскажи нам (говоришь ты складно) про старое твое бытѐе, житѐе. Я чай, везде бывал ты? Все видел, и домо-

вых, и ведьм, и леших, и маленьких людей, живущих у края самого земли, где небо так уж низко, что может всякий гвоздь вколотить в него и платье на том гвозде повесить.

Солдат. Эх, вздор какой понес ты, малой! Уши вянут, замолчи. Вам бабы старые, за печкой сидя, врут, а вы и верите. Какие черти встретятся крещеному солдату? А ныне человек опасней беса. Другие чудеса мы видели, и то не в ночь до петухов, а днем они в очах пред нами совершились. Вы слышали ль, как бог за матушку Россию заступился? Как сжалился он над Москвой горящей, над бедною землей, покрытой вражьими полками, как потопом, и в помощь нам послал зиму лихую, зиму с трескучими морозами, какие лишь бывали в Николин день да около крещенья. Нам весело, а немцам не до смеха! И горько, и смешно об их побеге вспомнить. От холода окутались чем попало, кто душегрейкой, кто ризою поповской, кто мешком или рогожей, как будто собрались о святках на игрище, и кинулись скорее восвояси. Не тут-то было. Мороз схватил их, заставил дождаться грозного последнего суда на месте преступления, ко-

го у церкви, им ограбленной, кого на выжженном селе. Так, бывало, окончив трудный переход, сидим мы вокруг огня и варим щи, а около, как стадо уснувшее, лежат замерзлые французы. Да как лежат! Когда б не мертвое молчанье и сизые<?> их лица, подумал бы – живые на биваке комедию ломают. Кто голову уткнул в костер потухший, кто лошадь на себя взвалил, другой ее копыто гложет, те же крепко обнялись, как братья, и, как враги, друг друга укусили.

Пастухи. Ух, страшно!

Солдат. Между тем курьерский колокольчик, вот как теперь, и там звенит, и там прозвякнет на морозе. Со всех сторон в Москву и Питер везли известье о победах.

Пастух. Э, братцы, вот показалась и тележка, и офицер на ней, извозчику о чем-то говорит. Извозчик удерживает лошадей, не хочет ли остановиться и нас спросить об чем?

Солдат. Помоги мне встать, я вытянусь пред офицером.

Офицер. Ребята, подайте огонька мне трубку закурить.

Солдат. В минуту, ваше благородье.

Офицер. Ба! да ты здесь как, товарищ?

Солдат. На родину тащусь, ваше благородье. За рану выпущен в отставку с пансионом.

Офицер. Ну так снеси ж к своим хорошее известье. Мы кончили войну в столице вражьей. Русские в Париже, и за пожар московский отмстили честно. Прощай!

Солдат. Благословение господне с нами отныне и вовеки буди. Вот как господь утешил матушку Россию. Молитесь, братцы! Божьи чудеса не совершаются ль пред нами явно?

Автограф ИРЛИ

НАЧАЛО ВАЯНИЯ {*}

{* Первоначально было: Изобретение скульптуры. (Примеч. сост.)}

"В низкий шалаш мой бегите скорей, пастухи и пастушки! Старцы почтенные, дряхлые жены, в шалаш мой, в шалаш мой! Боги меня, презренного девой жестокой, возвысили чудно! Слабые взоры мои усладили ее небесным воззреньем, смертные персты мои совершили бессмертное дело! В низкий шалаш мой бегите скорей, пастухи и пастушки! Старцы почтенные, дряхлые жены, в шалаш мой, в шалаш мой!" – Так по холмам и долинам бегал и голосом звонким, вторимым эхом нагорным, сзывал и старых и юных Ликидас юный, из розовой глины творивший искусно чаши, амфоры и урны печальные, именем славный, сердцем несчастный! Все любили его, не любила одна Хариса, пастушка, кото-

рою он безрассудно пленился.

"Образ Харисы, Хариса живая, Хариса из глины!" – громко вскричали на зов пастухи прибежавшие. Крики слились в ужасный шум, восходящий до неба, и в низкий шалаш толпа за толпой полилася, как волны!

"Други, раздайтесь! – Ликидас молвил. – Так, образ Харисы, девы жестокой, вы видите! Боги сей подвиг великий свершить помогли мне и глину простую одели в облик небесный, не дав ей лишь прочности, делу рук их приличной. Раздайтесь, молю! Из толпы выдираясь, может иной быть вытолкнут прямо на лик сей и мягкую глину помять и без намерения навеки разрушить творенье бессмертных. Крайные, сядьте, вы все замолчите и слушайте, чудо скажу вам.

Несколько дней, томим безнадежной любовью, пищи не брал я и дела не делал. Как призрак, блуждал, убегая людей, по пустынному берегу морскому. Слушал стенание волн и навстречу стонал им. Нынче ночью, как и когда, не припомню, упал я на мягкий песок, затих и забылся. К утру чувствую, кто-то будит меня, теплой рукою плечо мое взяв, и над

ухом мне дружески шепчет: "Ликидас, встань, подкрепи себя легкою пищей, в шалаш свой иди и примися за мягкую глину. Что сотворишь из нее, ты то вечной Киприде в дар приноси: уврачует богиня недужное сердце". Взоры поднял я – напрасно! Вскочил – никого ни вблизи, ни вдали уже не было видно. Но советы благие запали в послушное сердце. Домой прихожу я и мокрую глину беру и на круг полагаю. Сажусь, но, казалось, напрасно! Не знаю, что делать! Пальцы беспутно блуждают по глыбе уступчивой, глаза не смотрят за ними, мысли и сердце – далеко. Вдруг что-то знакомое взоры и мысли, как ярким лучом, поразило, и сердце забилося. Боги, на глине я вижу линию лба и прекрасного носа жестокой Харисы, ровную, к кудрям едва округленную! Вижу и кудри густые с боков, завиваясь, повисли! Место для глаз уж назначено, пальцы ж трудятся в мякоти чудной дорыться до уст пурпуровых. С этого мига я уж не знаю, что было со мною. Пламя, не сердце билось во мне, и не в персях, а в целом составе, с темя до ног! Хижина, глина и руки мои вертелись и дивно сияли, и близко меня прекрасный

младенец стрелой золотою блистал близ
пальцев моих и их труд оживлял, давая то
гордость челу, то понятливость взгляду, то
роскошь ланитам, то улыбку устам. Соверши-
лось! С места вскочил я, глаза рукою закрыл,
а другою кудри схватил и подрал их: боль хо-
тел я почувствовать, все ли живу я, узнать!
"Совершилось бессмертное смертным! – голос
святой раздался. – Эрмий, раскуй Промефея!
Старец, утешься меж теней великих, не тщет-
но тобою огонь похищен! Святотатство твое
искупилось пользой! Ты же, мгновенной и
тленной красе даровавший бессмертье,
взглянь, как потомкам твоим представятся
боги, в небесном блеске, чтоб камень искус-
ством твоим в их образе ожил, смертных кра-
сой к небесам восхищал и о Зевсе глаголал".
Смолкнул, и небо стрела разорвала! Олимп
предо мною! Феб-Аполлон эту стрелу послал,
тетива еще стонет, спустившись, взор за стре-
лой еще следует, в лице еще знанье и сла-
дость победы! Святые, святые! Пред вами ль
стоять мне? Колена трясутся, паду! Тебе изде-
лье мое, тебе приношу, Цитерея, тебе, пред
сонмом богов из моря рожденная! Слепну! Я

вижу Зевеса с Горгоной в руках, он главою
кудрявой важно склонясь, покрыл весь
Олимп и всю землю!

Автограф ИРЛИ

**This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
01.10.2008**